

Глава 71. Глупенький приручил деревенского хулигана (10)

После того как глупенький произнес эти слова, он одним ловким движением выскользнул из постели Се Яня и проворно закатился в свою собственную койку.

Он отвернулся к стене, натянул одеяло плотно до самого подбородка, оставив снаружи только макушку с лохматой головой — точь-в-точь как маленький зверек, который надулся и забился в ракушку.

Се Янь, ошеломленный этой безупречно отточенной последовательностью действий, приподнялся на локте и уставился на соседний пухлый ком одеяла. Помолчав мгновение, он тихо спросил:

— Янь-Янь, ты больше не будешь спать со старшим братом?

Из-под одеяла донесся мягкий, приглушенный голос Лин Яня, в котором звучала обида:

— Брат, я недостойн. Я больше не могу быть твоей женой и не могу спать с тобой под одним одеялом.

— ...

Се Янь на мгновение лишился дара речи, но спустя пару секунд, напустив на себя безразличный вид, ответил:

— Ничего страшного, мы же братья, иногда переночевать вместе — не проблема.

Но Лин Янь упрямо стоял на своем:

— Нельзя. Мальчикам нельзя спать с мальчиками.

— Янь-Янь...

— Брат, я хочу спать, не мешай мне.

— ...

Нет, то есть —

это кто вообще кому мешал только что?

Се Янь с досадой вздохнул и снова опустился на постель. Его черные, как смоль, глаза неподвижно уставились в потолок в темноте — сон пропал начисто.

Ощущение того, как Лин Янь только что сидел верхом на нем, все еще не стерлось из памяти.

Внезапный жар нахлынул.

И до сих пор не утих.

Он еще лежал неподвижно, но волнение не только не стихало, а становилось все сильнее.

Тогда Се Янь решительно перевернулся, соскочил с кана (печи-лежанки, традиционной в китайских деревнях; на ней спят и обогреваются зимой), вышел во двор, зачерпнул из колодца полковша холодной воды и, запрокинув голову, сделал несколько больших глотков. Ледяная жидкость скользнула по горлу, и жар в груди немного отступил.

Он постоял на ветру в одиночестве, дожидаясь, пока мысли улягутся, а потом неторопливо вернулся в дом.

К тому времени Лин Янь уже давно сладко спал — только вот манера спать у него была, мягко говоря, не ахти: одеяло он скинул почти полностью, раскинулся поперек кана, лежал беззащитно и безмятежно.

Се Янь на цыпочках подошел к нему, бережно поправил край одеяла и укутал потеплее.

При свете луны, просачивавшемся в окно, он отчетливо видел, как приоткрыты розовые губы Лин Яня, а между губ тянулась тонкая блестящая ниточка слюны, мерцавшая влажным блеском в лунном свете.

Такие нежные.

Такие мягкие.

Казалось, если поцеловать их — ощущение непременно будет самым приятным на свете.

Едва эта мысль промелькнула в голове, как Се Яня пробрала дрожь.

Проклятье.

О чем это он только думает?

Должно быть, все эти глупые речи, которые болтал этот глупенький сегодня вечером, выбили его из колеи.

Се Янь покачал головой, словно пытаясь вытряхнуть непозволительные думы, и юркнул под собственное одеяло.

В последнее время Се Янь стал особенно занят — он все чаще навещался в городок, видимо, дела там шли очень бойко.

Каждый вечер Лин Янь в одиночестве сидел на каменных ступенях у входа и молча ждал его возвращения.

Лин Сяоци из пространства (Лин Сяоци — дух или сущность в теле Лин Яня, с которой он общается мысленно) видел это и не мог удержаться от смеха, подшучивая:

[Братец, вот так каждый день сидеть у ворот и ждать возвращения шурина — ты прямо как молоденькая жена!]

Лин Янь лениво прислонился к ступеньке и с невозмутимым видом ответил:

[Не болтай ерунды.]

Но Лин Сяоци не унимался, в голосе его звенело все больше веселья:

[Ну прямо-таки как две капли воды!]

[Мой брат говорил, что мальчику нельзя быть с мальчиком, и мальчик не может стать женой другого мальчика.]

[...]

Лин Сяоци молча кивнул.

Понятно. Братец — настоящий профессионал, так вжился в роль, что не вылезает из образа.

В этот момент по грунтовой дороге перед домом, галдя, пробегала ватага детей. Как раз наступила пора осенней жатвы, взрослые были заняты в полях и некому было за ними присматривать, так что эти сорванцы отрывались на полную.

Один из детей, обладавший острым глазом, сразу заметил Лин Яня, сидевшего на ступеньках. Он наклонил голову, разглядывая его пару секунд, а потом громко крикнул:

— Ой, а чего это этот дурачок сидит у дверей хулигана?

Лин Янь мельком взглянул на него и промолчал.

Ребенок, увидев, что тот не отреагировал, видимо, немного разозлился и, уперев руки в бока, сердито завопил:

— Эй! Я с тобой разговариваю! Ты чего тут делаешь?

Остальные дети тут же подхватили:

— Да-да! А ты, дурачок, чего здесь торчишь?

[...]

Лин Яню было лень связываться с этой мелюзгой. Он отряхнул полу одежды и уже собрался встать и уйти в дом.

«Бах!» —

Маленький камешек внезапно ударился в дверную створку.

Заводила, разозлившись еще сильнее, закричал:

— Эй, дурачок! Ты что, онемел? Я к тебе обращаюсь, ты не слышишь, что ли?

Лин Янь нагнулся, поднял с земли камешек и медленно обернулся, устремив взгляд на толпу ребятишек.

Те вытаращили глаза и, ничуть не робея, уставились на него в ответ: их было много, они чувствовали за собой силу и не собирались отступать.

Лин Янь нахмурился и мысленно спросил:

[Это еще откуда такие сорванцы?]

Лин Сяоци быстро отсканировал обстановку и ответил:

[Все местные. Раньше они частенько задирали этого глупенького: кидались камнями, швыряли грязью — это у них в порядке вещей.]

Лин Янь рассеянно крутил в пальцах поднятый камешек, кончиками пальцев поглаживая его поверхность.

Понятно.

Значит, обижают умственно отсталого.

Обижать дурачка — это классическое издевательство над слабыми. Если так вести себя в детстве, что же из них вырастет?

Он неторопливо спустился по ступенькам и подошел к обочине дороги.

От дождей, прошедших несколько дней назад, у дороги осталась небольшая лужица. Лин Янь присел на корточки, засунул руку в грязную воду и принялся спокойно месить большую глыбу грязи.

Подняв глаза, он медленно пересчитал собравшихся детей:

— Раз, два, три, четыре, пять...

Заводила нахмурился и с отвращением фыркнул:

— Точно дурак! Даже хуже, чем раньше! Теперь совсем говорить разучился — взял и считать начал.

Не успел он договорить, как увидел, что глупенький сжимает в руке огромную лепешку грязи и медленно поднимается на ноги — а в следующее мгновение эта грязь со шлепком расплющилась у него по всему лицу, закрыв его целиком.

— А-а-а-а!

Лин Янь, перекидывая грязь в руках, развернулся и запустил еще одним комом в другого ребенка.

Один из шустрых детей, сообразив, что дело плохо, рванул было наутек, но куда ему было угнаться за Лин Янем.

Не успел он сделать и шага, как в лицо ему прилетела порция грязи.

Минуты не прошло — все пятеро уже красовались с размазанными по рожам грязными кляксами, превратившись в настоящих ряженых.

Вопли и рев взметнулись разом, разносясь по всей грунтовой дороге.

Правда, в этот час взрослые все как один были в полях, собирали урожай, и в ближайших дворах не было ни души.

Лин Янь посмотрел на перепачканные грязью руки, прислушался к оглушительному детскому плачу и брезгливо скривился:

— А я-то думал, вы такие крутые. И всего-то? Расхныкались? А когда обижали дурачка, вон как весело смеялись, да?

— Хны-ы... мамочку хочу...

— Ужасно шумные!

— буркнул Лин Янь.

В этот момент он заметил вдалеке знакомую фигуру, которая приближалась к дому.

Карие глаза глупенького лукаво блеснули. Он взглянул на пятерых ревущих детей, потом быстрым движением мазнул остатки грязи себе на грудь — и тоже заревел в голос, во всю силу.

— Уа-а-а-а!

Как раз когда Се Янь подошел к воротам, его взору предстала эта хаотичная картина.

Он стремительно шагнул вперед, совершенно не обратив внимания на детей, встревоженно присел на корточки и спросил:

— Янь-Янь, что случилось? Почему ты плачешь?

Слезы у Лин Яня покатались градом — будто нитка бус оборвалась. Он взглянул на Се Яня с неподдельной обидой и, всхлипывая, пролепетал:

— Брат, они сказали... сказали, что когда ты женишься, ты меня больше не захочешь...

<http://bllate.org/book/18456/1926967>